

Юлия Владимировна Зверева
доцент кафедры теории и технологии обучения
и воспитания младших школьников
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
zv.ul@mail.ru

ЛЕКСИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ «ПРИРОДА» И НОМИНАЦИИ ПИЩИ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Аннотация. В статье рассматриваются языковые единицы, относящиеся к концептуальной сфере «Природа» (наименования погодных явлений, растений, географические термины), образованные от «пищевой» лексики. Анализ представленных материалов свидетельствует о том, что в пермских говорах встречается метафорическая номинация погодных явлений и географических объектов. Чаще всего метафорические наименования возникают на основе переноса по форме, а также консистенции. Фитонимы, образованные от наименований кушаний и продуктов питания, многочисленны и появляются обычно, если растения являются съедобными.

Ключевые слова: пермские говоры, метафора, лексика питания, фитонимы, географические термины, метеорологическая лексика.

Лексика питания относится к древнейшему пласту общенационального лексического фонда, в ней отразился опыт практического и культурного освоения человеком окружающей природы. Состав пищи, способы ее приготовления – важнейший элемент материальной культуры. Пища как неотъемлемая часть человеческой жизни часто становится основой для формирования новых значений. Образный потенциал лексики питания рассматривается в работах Е.Л. Березович [Березович 2007], К.В. Осиповой [Осипова 2017], Е.А. Юриной [Юрина 2015], Е.А. Юриной, А.В. Балдовой [Юрина, Балдова 2020] и Е.А. Капелюшник [Капелюшник 2011, 2012]. Исследователи отмечают, что пищевой код культуры является одним из базовых, а концептуальная сфера «Еда» служит богатым источником метафорической интерпретации различных сфер человеческой деятельности, средством метафорической характеристики человека и его свойств [Капелюшник 2011: 11]. Так, в работе И.И. Русиновой и А.В. Черных [Русинова, Черных 2023] рассматриваются коллективные прозвища, основанные на кулинарных предпочтениях жителей разных территорий Пермского края и Русского Севера. Авторы делают вывод о

том, эта группа коллективных прозвищ составляет бóльшую часть зафиксированных единиц [Русинова, Черных 2023: 64]. Лексика питания как мотивирующая основа номинаций, относящихся к концептуальной сфере «Природа», гораздо реже становилась предметом анализа; можно отметить работу К.В. Пьянковой (Осиповой) «Метеорологические явления и их «пищевая» интерпретация в лексике русских народных говоров» [Пьянкова 2004], посвященные метеорологической лексике, а также статью В.Б. Колосовой «Русские диалектные фитонимы, мотивированные названиями пищи [Колосова 2015].

В настоящей статье рассматриваются языковые единицы концептуальной сферы «Природа» (метеонимы, географические термины, фитонимы), образованные от лексики питания. Е.Л. Березович отмечает, что в ходе анализа мотивации лексики определенной тематической группы исследователь выясняет, «что чему соплагается или что с чем сопоставляется <...>, с помощью каких тематических кодов выражаются те или иные идеи, в каких областях действительности отыскиваются мотивационные источники или наследники данных смыслов» [Березович 2007: 33]. В работе анализируются исходные значения слов, участвующих в формировании переносных значений, объясняются причины появления у данных единиц этого значения.

Метеорологическая лексика и наименования пищи

К.В. Пьянкова (Осипова) отмечает, что «пищевая» и «метеорологическая» сферы вступают во взаимодействие и в культуре, и в языке «пищевая» и «метеорологическая» сферы вступают во взаимодействие и в культуре [Пьянкова 2004: 204]. Наименования блюд и продуктов питания могут становиться сферой-«донором» для обозначения различных явлений природы. Чаще всего от наименований традиционных блюд образуются названия метеорологических явлений. Такие семантические переходы встречаются и в литературном языке: *ка́ша* ‘кушанье из сваренной или запаренной крупы’ → ‘полужидкая смесь, то, что перемешено в вязкую массу’. В пермских говорах переносное значение слова *каша* также фиксируется: *Грязная работа картошку убирать. Дожжыт – дак каша, у нас земли-то не песьянные* (Акчим Краснов.) [АС 2: 39].

Похожие значения имеют лексемы *ала́кша* ‘жидкая грязь, размякшая земля’ (*Все лето дожжыт, дак где сухо будет? Конечно, везде алакша; туфли-то вам нельзя надеть, все сапоги – по такой алакше надо ходить* (Ильин.) [СПГ 1: 9]) и *ва́ря* ‘полужидкая масса, грязь’ (*Потайка снега пошла большая из леса. В этой варе было много йода* (Вильва Сол.) [СРГСПК 1: 190]. В пермских говорах у рассматриваемых выше слов пер-

вое значение обозначает пищу: *алакшиа* ‘безвкусное, жидкое кушанье или питьё’ (*Во время голода алакшие были рады* (Акчим Краснов.); *Похлебочка мало-мальска. Выварила алакшу.* (Акчим Краснов.) [АС 1: 41]); *в́аря / в́арево* ‘блюдо низкого качества’ (*Невестка молодая, варево сготовила* (Пермь); *Варево, не варево – ешь, не разговаривай!* (Пермь) [СГПЛ: 29]). Таким образом, развитие семантики ‘жидкое/ полужидкое кушанье (часто невкусное)’ → ‘вязкая масса, месиво (о погодных явлениях)’ является довольно продуктивным в пермских говорах.

Менее очевидно основание для переноса в других случаях. Так, в вишерских говорах края отмечены лексемы *бурдомáга* и *бусурмáга* ‘плохая, пасмурная погода’ (*Солнышка нет, ветра нет, не сушит, стоит кака-то бурдомага* (Акчим Краснов.) [АС 1: 100]); *Бусурмага кака-то стоит, ничё ни к чему* (Акчим Краснов.) [АС 1: 102]). Скорее всего, эти лексемы связаны со словами с корнем *бурд-*: *бурда, б́урдома, бурдомáга* ‘плохо приготовленное блюдо/ напиток’ (*Сначала надо варить сироп. Если сразу насыплешь ягоды-те, бурдома какая-то получатся* (Нырб Черд.) [СРГСПК 1: 166]; *Всяку дрянь накладут – вот и бурдомага* (Акчим Краснов.) [АС 1: 100]). Языковые единицы с этим корнем в значении ‘плохо приготовленное блюдо, напиток’ отмечены в разных русских говорах [СРНГ 2: 283]. К. В. Осипова отмечает, что формы *барда, бардома* и *бурдомага*, вероятно, являются родственными или подвергались взаимной контаминации, восходят к рус. *бурда* ‘дурной, мутный напиток’, ‘смесь, что-л. перемешанное’, ‘смесь кушаний’ [Осипова 2020: 33].

Возможно, фонетическими вариантами лексемы *бурдомага* являются слова *бутормага* и *бусурмага*, которые обозначают не только плохую погоду, но также плохо приготовленное блюдо/ напиток: *Другой раз квас сделаешь, не удастся – кака-то бусормага* (Акчим Краснов.) [АС 1: 102]; *Гуща останется, нальёшь воды и опеть квас, только уж нехороший – бутормага* (Покча Черд.); *Бутормага, невкусный хлеб, невкусный, все равно бутормага* (Янидор Черд.) [СРГСПК 1: 171]). Несмотря на то что в наших материалах значение ‘плохая, пасмурная погода’ у слова *бутормага* не отмечено, но зафиксирован глагол *бутормáжить* ‘сильно мести (о вьюге, метели)’: *Падера ли что бутормажит. Нёбо и земля – всё вмисте* (Акчим Краснов.) [СРГСПК 1: 171]. Таким образом, слова *бурдомага, бусурмага, бутормага* в пермских говорах обозначают как недоброкачественные напитки и блюда, так и явления природы. Возможно, развитие значения происходило таким образом: ‘жидкое блюдо’ → ‘некачественное, невкусное блюдо/напиток’ → ‘о чем-то плохого качества’ → ‘плохая погода’. В пользу этого предположения можно привести также существование в пермских говорах значений у слов *бурдомага, бусормага* ‘отходы,

отбросы': *Всё бурдомага, тряпё-то нехорошоё* [обрывки тряпок, остающиеся при тканье половиков] (Мартино Краснов.). *Бурдомага – отбросы* [отходы, остающиеся при обработке льна мялкой] (Покча Черд.) [СРГСПК 1: 166]; *Хороши красна, а самой хозяйке неловко хвалить, она и говорит: бусормага* (Акчим Краснов.) [АС 1: 102]).

Однако не исключена и другая версия происхождения значения 'плохая погода' у вышеуказанных слов. Хотя метеонимы *бурдомага*, *бутормага* и *бусормага* отмечены только в говорах Пермского края, в архангельских говорах зафиксированы лексемы с корнем *бутор-* (*бутора*, *буторга*, *буторма* 'метель, вьюга', *буторить*, *буторáжить* 'вьюжить, пуржить' [СРГС 1: 231–232]). Эти языковые единицы можно соотнести с пермским глаголом *бутормажить*. Возможно, значение метеонимов в пермских говорах происходит из севернорусских, но на пермской почве происходит смешение корней *бурд-* и *бутор-*, в результате чего слова *бурдомага* и *бутормага* начинают восприниматься как однокоренные. В таком случае лексемы *бурдомáга* и *бусурмáга* изначально имели значение 'метель, вьюга', а затем уже начали обозначать плохую погоду. Возможно, однокоренным к слову *бусормага* является *бусурня́* 'буран, метель' (*Бусурня, буран поднимается* (Велгур Краснов.); *Бусурня – когда снег с ветром* (Талово Черд.) [СРГСПК 1: 169], которое также зафиксировано в говорах севера Пермского края.

В вишерских говорах отмечена также лексема *булы́ч/булысь* 'пасмурная погода с большой влажностью в воздухе': *Ни дождь, ни ведро – а булыч стоит* (Акчим Краснов.); *Булысь – ни сушит, ни солнышка, пасмурная погода* (Акчим Краснов.); *Бывает, всё затенется (тучами), и стоит такой булыщ* (Акчим Краснов.) [АС 1: 98]. Возможно, это значение связано с существующим в пермских и других русских говорах *булы́ч* 'что-либо жидкое, слабое (чаще о квасе, вообще о напитке)': *Не стал пить квас – он как вода, булыч* (Юм Юрл.); *Видно, овес плохой был, квас как булыч стоит* (Пож Юрл.) [СРГКПО: 55]; *Не стала у меня брага делаться – булыч булычом* (Трушники Чернуш.) [СРГЮП 1: 84]. Если значение напитка встречается и в других русских говорах (владимирских, вятских) [СРНГ 2: 273], то погоду слово *булыч* обозначает только в пермских.

Исследователи отмечают, что слово имеет неясную этимологию [Аникин 5: 123; Мызников 2019: 98]. А.Е. Аникин считает, что семантика погоды может быть обусловлена значением напитка: «связь между знач. 'пасмурная, дождливая погода' и 'закисать, бродить (о молоке, квасе и т. п.)' не редкость» [Аникин 5: 123]. В статье «Метеорологические явления и их «пищевая» интерпретация в лексике русских народных говоров» К.В. Пьянкова, анализируя диалектные метеонимы с корнями *кис-/квас-*,

также приходит к выводу о том, что представления о пасмурной, дождливой погоде связаны с образами скисания, брожения пищи [Пьянкова 2004: 195]. С.А. Мызников сравнивает значение лексемы *булыч* с теми же словами *букыш* ‘хмурый, угрюмый (о человеке)’, *букыд* ‘хмурый (о погоде)’; *букыд* ‘темный (напр., ситец)’, *букыд* ‘пасмурная, хмурая(погода)’ [Мызников 2019: 98].

Наименования продуктов питания и блюд могут обозначать и другие погодные явления. Так, в общенародном языке существует лексема *сало* ‘тонкий лед или мелкие куски льда на поверхности воды перед ледоставом’; представлена она и в пермских говорах: *Наперво идёт сало, потом снежница; вода ещё не застыла, а густится. Сделается на ём как сало; снежница – со снегом, как застывать уж* (Толстик Сол.) [СПГ 2: 363]. К.В. Пьянкова отмечает, что в говорах лед на реке может называться также маслом и туком, поэтому можно говорить о существовании регулярной мотивационной модели: ‘подобный застывшей капле жира, плавающий на поверхности воды’ > ‘мелкий лед’ [Пьянкова 2004: 202].

Так, в вишерских говорах Пермского края встречается слово *пáхта* ‘свежевыпавший мелкий-рассыпчатый снег, по которому трудно идти, ехать; свежевыпавший мягкий липкий снег, тормозящий продвижение по нему: *Выпадает снег на застывший снег, не снег — твёрдый снег Пластиночками. Далеко не уйдёшь: пахта* (Акчим Краснов.); *Пахта выпала. Говорят: некатко будет. Пахта льнёт на полозья* (Акчим Краснов.) [АС 4: 19]. Лексемы с корнем *пахт-* в значении ‘обезжиренные сливки, побочный продукт, получаемый при производстве масла из коровьего молока’ отмечены во всех русских говорах и в литературном языке. В говорах края зафиксированы слова *пáхта*, *пáхтанье* с этим значением: *Сливки. Там перегон. Давали пахту эту после сбойки. Придёшь – тебе пахту дадут* (Бондюг Черд.); *Масло-то вчера мешала, вот всё и намешалось, пахтанье да оденье осталось* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]. Скорее всего, метафорический перенос происходит на основании признака консистенции и цвета. Большинство исследователей считает, что это лексическое гнездо восходит к прибалтийско-финским языкам, предлагая для сравнения разные данные [Мызников 2019: 587; Гайдамашко 2015: 39]. Р.В. Гайдамашко отмечает, что *пахта* как метеорологический термин в русских говорах Верхнего Привышья является результатом метафорического переноса на русскую почву от соответствующего прибалтийско-финского заимствования (‘сыворожка’ / ‘накипь’ / ‘отходы’ > ‘мелкий рассыпчатый снег’ / ‘мягкий липкий снег’) [Гайдамашко 2015: 40]. А.С. Мызников сопоставляет слово *пахта* с теми же *pakta* ‘холодный дождь, замерзшие испарения’ и эвенскийским *бокта* ‘дождь с градом; град; зернистый снег; снежная кру-

па' [Мызников 2019: 587]. На наш взгляд, версия Р.В. Гайдамашко о развитии переносного значения в вишерских говорах представляется более доказательной, поскольку слово с этой семантикой не фиксируется в других пермских говорах и на соседних территориях (в вятских говорах, говорах Нижней Печоры и т.п.). Именно в вишерских говорах возникают также глаголы, образованные от метеонима *пахта*: *запахт'ить* 'припорошить лёгким снегом, «пахтой»' (*Снежок напорошит немножко. Пахта выпала, говорят. С'дни запахтило, навалилась пахта* (Акчим Краснов.) [АС 1: 317]), *запахт'ить* 'быть легкому необильному снегопаду' (*Пошёл на охоту. Снежочек вроде пахтил* (Акчим Краснов.); *Снежок пахтит, валит маленькой* (Акчим Краснов.) [АС 4: 19]). Косвенным подтверждением этой версии являются переносные значения лексемы, не связанные с погодными явлениями, в говорах Среднего Урала: *пáхта* 'мох' и *пахтá* 'вата' [СРГСУД: 395].

Рассмотренные выше примеры показывают существование довольно продуктивной в пермских говорах модели переноса: 'продукт питания, блюдо' → 'погода, атмосферные явления'. Гораздо реже отмечены случаи другого направления в развитии семантики. На наш взгляд, таким примером является *шуль'га* 'не удавшийся при домашнем приготовлении напиток': *Така шульга брага-то, неиздача, бутырмага. Брага как издастся, а тивчо – как сварить; издастся – квас, а не удасться – чиквас* (Тюлькино Сол.) [СПГ 2: 562]). В говорах Соликамского района отмечено слово, сходное по звучанию, – *шульга* 'мелкий лёд, ледяная каша, или пропитанный водой снег на поверхности воды перед ледоставом' (*Шульга – первый слой льда* (В. Мошево Сол.); *Шульга – весной лёд идёт* (В. Мошево Сол.) [КСРГСПК]). Это же явление обозначается бытующими в говорах Прикамья единицами *шуль*, *шуледь*, *шулевой лёд*. А.К. Матвеев возводит слово к коми *шоль* 'слабый рассыпчатый снег' [Матвеев 1964: 309], в русских говорах Низовой Печоры отмечается слово *шоля* 'мокрый, тающий снег' [СРГНП 2: 450]. Возможно, *шульга* появляется в результате контаминации слов *шоль* и *шугá* 'мелкий рыхлый лёд, появляющийся перед ледоставом или во время весеннего ледохода'. В картотеке «Словаря русских народных говоров» отмечены лексемы *шу'лега* 'вода, выступившая на поверхность льда' (Волог.), *шулу'га* 'мелкий ледок' (Арх.), *шульга* 'мелкий лёд, плывущий по реке, шуга' (Ср. Урал.) [КСРНГ], поэтому возможно в русские говоры Прикамья слово приходит из севернорусских. На наш взгляд, лексема *шульга*, которая обозначает неполучившийся напиток, может быть как суффиксальным образованием от корня *шул'*-, так и фонетическим вариантом *шульга*. В этом случае перенос ос-

нован на сравнении консистенции напитка, которая является неоднородной, и воды с ледяной крошкой.

Географические термины и «пищевая» лексика

Географические термины включают в себя названия различных географических объектов, а также наименования географических явлений (климат, почва, растительность и др.). В пермских говорах встречаются географические термины, которые называют объекты рельефа (возвышенности и низменности), небольшие водные источники, участки леса, сельскохозяйственные угодья, пути сообщения (дороги, мосты). Наиболее продуктивна «пищевая» лексика в обозначении различного рода возвышенностей. Наименования круглого хлеба часто становятся апеллятивами со значениями ‘гора, холм округлой формы’: *каравáй, каравáшек* (Большой угор за деревней называется каравай (Неволино Кунг.) [СГТ: 152]; *А весной все каравашки у нас цветут, ой, как красиво* (Петропавловск Больш.); *Сходите на каравашек-то, там раньше много ягод бывало* (Ново-Залесное Ос.) [СПГ 1: 378]; *коври́га* (Коврига – угоришник, старики называют (Верх-Пещерка Ос.) [СГТ: 160]); *челпа́н* (Вот это местечко повыше, похоже на круглый каравай хлеба, челпан называется (Кишерть); *Челпан у нас около крёжа, это круглая гора, угор на все стороны* (Комары Вер.); *Челпан идёт, потом ляга, потом опять челпан* (Юрла) [СГТ: 397]). Во всех этих примерах основанием для метафорического переноса и появления нового значения становится признак формы географического объекта, что распространено в географической терминологии.

Гораздо реже «пищевая» лексика служит для обозначения других географических явлений, однако такие переносы также встречаются. В пермских говорах отмечены названия почв, совпадающие с номинациями различных блюд (в диалектных словарях они обычно подаются как слова-омонимы). Так, на северо-востоке Пермского края отмечена лексема *буза́* ‘участок с неплодородной песчаной почвой’, ‘неплодородная почва’ (*Где сосняк-от растёт, там буза, плохо растёт на бузе-то, на песках худа земля* (Гувашер Ильин.); *Щас один коридор и остался, а раньше была буза – бузовая земля. Случалось встречались полосы и побузовестее* (Старая Губ.) [СГТ: 44]. Исследователи предполагают, что географический термин является заимствованием из тюркских языков в которых *буза* – ‘пшеничная брага; питье из ячменя’ [Там же]. Е.Н. Полякова отмечает, что развитие семантики этого слова в русском языке могло идти следующим образом: ‘питье’ > ‘мутная жидкость’ > ‘тина, ил’ > ‘вязкая грязь’ > ‘плохая земля’ [Там же]. На наш взгляд, перенос мог осуществляться на основе признака цвета: в примерах неплодородие земли объясняется песчаной почвой, ко-

торая, как известно, имеет довольно светлый оттенок. Напиток на основе ячменя или пшена также желтоватого оттенка. Косвенным подтверждением служат наименования жидких блюд и молочных напитков также белого, светло-серого цветов: в пермских говорах *буза́* ‘суп, заправленный мукой’ (*Бузой поили и телёнка, и ребёнка, муки не было, дак посыпку клали* (Верх-Бияваш Окт.) [СРГЮП 1: 83]), а также в оренбургских *буза́* ‘снятое молоко, обрат’ [Моисеев: 25] и вологодских *быза́* ‘жидкое или снятое молоко’ [СРНГ 2: 340].

Не совсем ясное происхождение имеет слово *луда́*, которое имеет значения: 1) ‘местность с высыхающей и твердеющей на солнце почвой’; ‘неплодородная глинистая почва’ (*На луде ничего не растёт, кроме хвоща – пистиков* (Змеёвка Част.); *Лудой называют здесь почву, лудеет когда почва. Дождик пройдёт, она садится и делается твёрдая, так вот про такую землю – луда – и говорят* (Большое Савино Перм.); *Не ездите туда, там луда* (Верещагино) [СГТ: 202]; *Луда, лудяк – земля нехорошая, сбелая-красная, хоть рыхли, хоть чё, как дорога кака-то, очень уж тяжёлая* (Острожка Ох.) [СПГ 1: 492]); 2) ‘кушанье, приготовленное из толокна, размешанного в простокваше’ (*В квас или в сусло мешают толокно жиденько и хлебают с хлебушком, дежень называется* (Ныроби Черд.); *Луда-то маленько сыренько, а сухое [толокно], дак прямо муцьяная. Луду тоже её на воде намешают* (Камгорт Черд.); *Сделаем луду из толокна, густо намешаем и едим, а если жидко намешаем, то дежень называется* (Марушево Черд.) [КСРГСПК]). Исследователи считают, что эти значения связаны, а сама лексема *луда* является заимствованием из финно-угорских языков [Мызников 2019: 455–456; Осипова 2022: 192; СГТ: 202; Фасмер 2: 528]. К.В. Осипова предполагает, что в русские говоры слова гнезда *луд-* могли быть заимствованы с узкой денотативной семантикой – как наименования цвета глинистых почв, а значение ‘блюдо из толокна’ возникло уже на русской почве – на основе семантического переноса ‘серый (о почве)’ → ‘серый (о похлебке)’ [Осипова 2022: 192–193].

Рассмотренные выше географические термины в основном образованы от наименований блюд и напитков, однако возможно обратное направление мотивации: наименование природного объекта → продукт питания. Так, в пермских говорах отмечено слово *няча* ‘неудавшийся хлеб’: *Няча – хлеб неудачной, пресной* (Янидор Черд.) [КСРГСПК]. В пермских говорах распространен географический термин *няша* ‘сырое, топкое место, грязь’ (*Такая грязь, песок, чернозём, и называют няша – зыбкое место* (Романово Ус.); *Тут по берегу идёшь, земля черная, жидкая начинается, зыбко под ногами, можно называть няшей* (Новая Каменка Ильин.); *У нас не очень много болотистых мест, но няши есть, они раз-*

ной травкой, плесневинной затянуты (Филипповка Кун.) [СГТ: 237], в печорских говорах встречается *няча* ‘глина’, ‘жидкая грязь, ил’ [СРГНП 1: 486]. Исследователи считают, что слова *няча* и *няша* можно считать фонетическими вариантами, которые имеют коми происхождение [Мызников 2019: 546-548]. Лексема *няша* встречается в языке коми в значении ‘илистые отложения на лугах’ [ССКЗД: 225] и коми-пермяцком ‘грязь, тина, ил’ [КПРС: 285]. Значение ‘непропеченный хлеб’ возникает в результате метафорического переноса, основанием для которого стало сходство консистенции и цвета. Подтверждением этой версии служит существование фразеологизма *как няча* ‘о сыроватом, плохо пропеченном хлебе’, который отмечен в говорах Нижней Печоры, на территории республики Коми [Ставшина 1: 322].

Фитонимы и лексика питания

Лексика питания тесно связана со сферой природного мира, поскольку часто названия различных блюд часто образуются от фитонимов: *грибовница, капустница, крапивница, брусничник, губник, калиновик* и др. Наиболее интересными, на наш взгляд, являются языковые единицы, образованные от наименований дикоросов.

Жители Пермского края использовали в пищу различные дикоросы: побеги хвоща полевого (*пистики*), стебли борщевика (*борш, пикан*), дикую редьку и другие растения. В словарях пермских говоров фиксируются названия блюд, в которых употребляются побеги хвоща полевого: *пйщница, пйстичная яичница (омлет), пйстиковая каша, пйстешница, пйстишна, пистешнянка* ‘запеканка из полевого хвоща с яйцами и молоком’ (*А из пистиков всё можно: пироги можно, пйстишнису можно. Лишь бы молоко было, яички да* (Сретенское Ильин.) [ДАКТиПЯ]; *Из пистиков пироги пйстишные, и этот, омлет пйстишный. [А как его называют?]* *Пистешнянка* (Подюково Караг.) [КСРГСПК]), а также блюда из борщевика (пикана): *пика́нница* ‘блюдо типа окрошки с пиканами (борщевиком)’ (*Делаем часто пиканницу с пиканами – как окрошка, с квасом* (Моховляны Лысьв.) [СРГЮП 2: 325]), *пика́нник* ‘пирог с пиканами’ (*Из пиканов называли пиканники пироги* (Илаб Сол.) [КСРГСПК]). Таким образом, диалектные фитонимы служат мотивирующей основой наименования традиционных блюд пермской кухни.

В пермских говорах отмечено довольно большое число языковых единиц, называющих хлебные изделия с добавлением дикорастущих трав. В этом случае от фитонимов образуются наименования различных видов хлеба: *или́мовик* ‘лепёшка-суррогатник с мукой из илима (вяза листоватого)’ (*Подумать ведь только, илимовики ели – это лепёшки с добавлением*

илима (вяза) (Чернушка) [СРГЮП 1: 152]); *лебедѣнник, лебедя́нка* ‘суррогатная лепёшка с лебедой’ (*Матушка-лебедя в голодные годы выручала: и хлеб из её пекли, и лепёшки-лебединники* (Чернушка); *Лепёшки с лебедой лебедянками звали* (Чернушка) [СРГЮП 2: 12]); *липовик*, ‘суррогатная лепёшка с липовыми листьями, цветом’ (*Когда малину собирали, из листьев липы с ягодами пирожки гнули, а шио из липы липовики стряпали – лепёшки такие* (Чернушка) [СРГЮП 2: 26–27]); *пихтовѣк* ‘лепешка из истолченной коры пихты’ (*В войну мы и пихтовики ели.* (Н. Бычина Краснов.) [СПГ 2: 101]); *травяну́шка* (*Хлеба-то не было, травянушки ели. Пистики ле, клевер ли истолкёшь, мучки добавишь, испекёшь – вот и травянушки* (Грудная Караг.) [СПГ 2: 446]). Чаще всего появление такой выпечки связано с голодным временем, диалектные записи, сделанные на территории Пермского края и фиксирующие такие номинации, нередко связаны с трудной жизнью крестьян во время Великой отечественной войны.

Мотивационная модель ‘наименование блюда, продукта питания’ → ‘наименование растения/его части’ в говорах представлена гораздо реже. Обычно такая ситуация встречается, если растение можно использовать в пищу. Так, в пермских говорах встречается наименования незрелых шишек хвойных деревьев *пря́ничек* (*В лес ходили. На ёлках прянички были... их лома... э-э... крошили, похлёбку варили* (Губдор Черд.) [КСРГ-СПК]) и *круп(л)я́нка* (*Весной от голода спасались, так круплянки сладкие жевали с елок* (Ленск Кунг.) [СРГЮП 1: 434]; *А мы опять всё раньше ходили в сосняк, крупянки ели* (Орда) [Там же: 435]). Такие фитонимы, образованные от продуктов питания (*пряник, крупа*), появляются, потому что в Пермском крае широко бытовало употребление в пищу незрелых мужских шишек хвойных деревьев.

В некоторых случаях при изготовлении напитков для улучшения вкуса и запаха добавляли травы. В пермских говорах зафиксированы такие фитонимы, образованные от наименований напитков: *брага* > *бражник* ([Что это за растение?] *Это бражник (смеётся). Это мама квас делала. Ой, везде, вон там, за Каму, мы сёдня ходили дак, вот, в рост человека* (Гайны) [ДАКТиПЯ]); *Там тако болото, что ниче не растет, один только бражник* (Постаногы Нытв.) [СПГ 1: 53]); *квас* > *квасная трава* (*Квасная трава. В квас какую кладут* (Акчим Краснов.) [АС 6: 35]; *В чай кладут траву квасную. Нарвать надо, в квас ложат* (Велгур Краснов.). *Квасная трава как мята душистая, в квас, в чай помаленьку можно класть* (Велгур Краснов.) [КСРГСПК]). Таким образом, связь «пищевой» и фитонимической лексики обычно проявляется тогда, когда растения являются съедобными и могут служить ингредиентами для блюд и напитков или заменой (суррогатом) продуктов питания.

В некоторых случаях основой для переноса ‘продукт питания’ → ‘наименование растения, части растения’ становится форма растения. Таким наименованием является *пирожок* ‘плод растений в виде стручка’ (*Пирожками [зовут стручки] бобы, горох* (Покча Черд.); *Пирожки – в которых семё. Пирожки сначала жёлтые, а потом зелёные* (Кикус Черд.) [КСРГСПК]). Слово пирожок встречается в составе фитонима *мышьи пирожки* ‘травянистое растение горошек мышиный’ (*Мышьи пирожки – это трава. И пирожки тоже как горох, калёжное семя, не меньше* (Кикус Черд.) [КСРГСПК]). Форма плода, который похож на круглое выпечное изделие, объясняет номинацию *калочки* ‘травянистое растение просвирняк’ (*На яме у нас калочки росли, дак мы их всё ели* (Атняшка Чернуш.) [СРГЮП 1: 365-366]).

Таким образом, связь «пищевой» и фитонимической лексики обычно проявляется тогда, когда растения являются съедобными и могут служить ингредиентами для блюд и напитков или заменой (суррогатом) продуктов питания.

Выводы

Анализ номинаций явлений природы показывает, что в пермских говорах довольно продуктивна модель переноса: ‘продукт питания, блюдо’ → ‘погода, атмосферные явления’. Чаще всего метафора возникает на основе сравнения консистенции и внешнего вида блюда и физических свойств природного явления. Гораздо реже отмечены случаи другого направления в развитии семантики. Однако в говорах отмечены такие мотивационные модели, как ‘погодное явление’ → ‘блюдо, напиток’.

От наименований выпечных изделий круглой формы могут образовываться географические термины, называющие возвышенности такой формы. Связь «пищевой» лексики с другими географическими терминами менее очевидна. Видимо, некоторые лексемы, называющие виды почв (*буза, луда*), связаны с одноименными номинациями блюд.

Лексика питания тесно связана с концептуальной сферой «Природа» и, в первую очередь, с названиями растений. Природный мир всегда являлся для человека источником продуктов питания, что нашло отражение в названиях выпечки, блюд, а также напитков. Фитонимы, образованные от наименований кушаний и продуктов питания, немногочисленны и появляются обычно, если растения являются съедобными.

Примечание

Автор выражает благодарность М.В. Бобровой (ИЛИ РАН) за сведения из картотеки «Словаря русских народных говоров».

Библиографический список с сокращениями

- Аникин – Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 5 (буба I – вакштаф). М: Знак, 2011. 344 с.
- АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь. 1984–2011. Вып. 1–6.
- Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.
- Гайдамашко Р.В. Материалы к этимологии метеорологической лексики в русских говорах Прикамья: пахта, ромода // Севернорусские говоры. 2015. № 14. С. 37–45.
- ДАКТиПЯ – диалектологический архив, хранящийся на кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.
- Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 199 с.
- Капелюшник Е.В. Человек сквозь призму кулинарного кода культуры // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 11–14.
- Колосова В.Б. Русские диалектные фитонимы, мотивированные названиями пищи // Современные проблемы лексикографии: материалы конференции. СПб.: ООО «Нестор-История», 2015. С. 100–101.
- КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. М.: Русский язык, 1985. 624 с.
- КСРГСПК – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранящаяся на кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.
- КСРНГ – Картотека «Словаря русских народных говоров», хранящаяся в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
- Матвеев – Матвеев А.К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta linguistica. Budapest, 1964. Т. 14. F. 3–4. С. 285–315.
- Моисеев – Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 192 с.
- Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М., СПб.: Нестор-История, 2019. 1076 с.
- Осипова К.В. Диалектные прозвища Русского Севера, образованные от названий пищи: этнолингвистический аспект // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 1. С. 87–109.
- Осипова К.В. К этимологии сев.-рус. луда ‘похлебка, каша из толокна’ // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы V Международной научной конференции, Екатеринбург, 07–11 сентября 2022 года. Екатеринбург: Изд-во Урал. унта, 2022. С. 190–196.
- Осипова К.В. Названия спиртных напитков на Русском Севере: этимолого-этнолингвистический анализ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 146–165.
- Осипова К.В. О некоторых названиях браги и самогона в севернорусских говорах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 4. С. 29–41.

Пьянкова (Осипова) К.В. Метеорологические явления и их «пищевая» интерпретация в лексике русских народных говоров // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 5. С. 191–204.

Русинова И.И., Черных А.В. Коллективные прозвища жителей Пермского края // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 1. С. 56–79.

СГПЛ – Ерофеева Т. И. Социолингвистический глоссарий пермских локализмов: 60–90е годы XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2020. 238 с.

СГТ – Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007. 420 с.

СПГ – Словарь пермских говоров Пермь: Книжный мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с. 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И.А. Подюков. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И.И. Русинова. Пермь, 2011. Вып. 1: А–В. 364 с.

СРГСУД – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012. Вып. 1–3.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52 (издание продолжается).

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В. А. Сорвачева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 490 с.

Ставшина – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2-х томах / Составитель Н.А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008. Т. 1: А–М. 416 с.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Москва: Прогресс. 1986–1987.

Юрина Е.А. Образная лексика русского языка. Часть II: Пищевой код культуры в образном строе языка: учеб. пособие. Томск: Издательский Дом Томского гос. ун-та, 2015. 132 с.

Юрина Е.А., Балдова А.В. Пищевая метафора в русском лингвокультурном дискурсе // Язык и культура. 2020. № 50. С. 152–169.

Сокращенные названия районов Пермского края

Больш. – Большесосновский район; Ильин. – Ильинский район; Караг. – Карагайский район; Краснов. – Красновишерский район; Кунг. – Кунгурский район; Лысьв. – Лысьвенский район; Нытв. – Нытвенский район; Окт. – Октябрьский район; Ос. – Осинский район; Ох. – Оханский район, Перм. – Пермский район; Сол. – Соликамский район; Ус. – Усольский район; Част. – Частинский район; Черд. – Чердынский район; Чернуш. – Чернушинский район; Юрл. – Юрлинский район.

Iu.V. Zvereva

Associate Professor of the Department of Theory and Technology
of Teaching and Upbringing of Pupils
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

**VOCABULARY OF THE CONCEPTUAL SPHERE «NATURE»
AND FOOD NOMINATIONS IN RUSSIAN DIALECTS OF THE PERM REGION**

Abstract. The article discusses linguistic units related to the conceptual sphere “Nature” (names of weather phenomena, plants, geographical terms), derived from vocabulary with the meaning “Food”. Analysis of the presented materials indicates that in Perm dialects there is a metaphorical nomination of weather phenomena and geographical objects. Most often, metaphorical names arise on the basis of the development of figurative meaning based on form. The names of plants derived from the names of foods and food products are few in number and usually appear if the plants are edible.

Key words: Perm dialects, metaphor, nutrition vocabulary, phytonyms, geographical terms, meteorological vocabulary.